

ФЕЛБЕТОН

Холодные отношения

Подле театра весело потрескивают костры. Сизый дым стелется над траншеей, огибающей здание, словно средневековый ров. Озобоенные землекопы и водопроводчики подогревают на кострах, разложенных среди сугробов, раствор цемента...

А над городом — розоватый мгlistый туман, верный предвестник крепкого сибирского мороза.

Входная дверь театра неожиданно резко распахивается. С крыльца рысдой сбегает какие-то люди. Завидев веселое пламя, они плотным кольцом обступают костры и некоторое время безмолвно стучат зубами.

— Замерзли, сердечные? — участливо спрашивает один из землекопов.

— К-куда там! — признательно отвечает пожилой гражданин в калачом не по сезону фраке. — П-поп-пробуйте два часа на репетиции в полярных условиях. Не то что реплики, — мысли стунут на лету...

— Может, здесь закончим сцену? — с энтузиазмом предложил его сосед, судорожно дуя на кончики пальцев. — Меня сейчас в театр не заманишь, простите, даже обещаниями дать ведущую роль.

— Братцы, куда же вы? Братцы, да что же вы? — раздается вдруг горький клич из окна. — Опять план из-за костров горит. Братцы...

И директор Кемеровского театра драмы Анатолий Владимирович Анатольев, лоявя пальцы, точно оперная прима, продолжает зазывать в родимый театр актеров, дружной командой отогревающихся подле костров свои измершие чресла.

Прав директор театра, глубоко прав. Между кострами и плавом спектаклей в Кемеровском театре драмы существует самая непосредственная связь. Впрочем, такая же связь наметилась и в работе местного Радиокомитета, Дома народного творчества, библиотеки, музея — словом, всех тех организаций, которым в свое время судьба уготовила место в здании театра.

Кемеровский театр построен в 1927 году. Тогда еще не было в городе ни водопровода, ни теплофикации, ни прочих коммунальных удобств. Кемерово разрослось, отстроилось, приобрело, наконец, все упомянутые коммунальные удобства. А здание театра, расположенное, как на грех, в семидесяти метрах от магистральной линии водопровода, более двадцати лет было лишено такой технически неприхотливой вещи, как вода. Но, как говорится в одной поговорке, «вода, она путь найдет...». Нашла она путь в театр после чрезвычайного происшествия. Во время заседания в театре руководящих городских организаций вдруг на сцене начался пожар. Передают, что огонь вспыхнул от папиросы одного из работников горкомхоза, только что клятвенно заверявшего участников совещания, что водопровод в театре — явное излишество...

До водопроводной магистрали ведут семьдесят метров труб. Станет многое ясным, если мы сообщим, что до линии теплофикации от театра... четыреста метров. Очевидно, этим-то и объясняется, что в холодную зимнюю пору, когда низко опускается ртуть в термометрах, у актеров местной драмы настроение также неуклонно падает вниз. Да и понятно. Попробуйте на секунду представить себя во время репетиции, допустим, «Отелло». Сколько ни вкладывая темперамента в роль, костюм мавра, рассчитанный явно для ношения под знойным небом Венеции, не оградит вас от воздействия упомянутого уже сибирского морозца. Не стоит, пожалуй, говорить об эквипировке исполнителей в других спектаклях. За исключением тех случаев, когда на сцене

можно появиться в тяжелой боярской дохе, одежда актеров определенно не выдерживает поединка с холодным отношением горсовета к отоплению театра.

Горонческая борьба труппы за тепло имеет свою древнюю историю. Ведется даже ее летопись. На пожелтевшие от времени и покоробившиеся от холода странички театральный Нестор занес и обещания работников горсовета; и денежные суммы, отпущенные на это благо дело, а затем почему-то списанные по акту; и свои печальные выводы. Так, к примеру, одна страничка повествует о том, что после долгих препирательства в августе 1951 года театру, наконец, ассигновали 130 тысяч рублей. Однако деньги были проведены почему-то на капитальный ремонт. И промбанк, естественно, отказался финансировать теплофикацию, которая уж никак не капитальный ремонт...

В сентябре того же года на специальном совещании в Кемеровский горисполком съехались директора крупнейших предприятий города. Председатель исполкомов тов. Шуныко выступил перед ними с очень прочувствованной, трогательной речью. Он сказал:

— Дорогие товарищи! Наша культура замерзает. Выручайте!

— Выручим культуру! — хором отозвались руководители. — О чем говорить, это можно!

На совещании распределили обязанности, — кто и что должен делать. Управляющий трестом «Кемеровоуголь» тов. Никитин, например, взял на себя траншею. Он и прислал экскаватор, но забыл обеспечить техническое руководство. Машинист экскаватора дружно стали рыть траншею. На второй сотне метров они наткнулись на телефонный кабель, порвали его, а затем, испугавшись, увели машину во-своих. К этому времени кончился год, — деньги благополучно были списаны.

29 сентября 1952 года Кемеровский облисполком ассигновал на ремонт и теплофикацию 170 тысяч рублей. Затем десять дней поладилось промбанку, чтобы открыть счет. Еще месяц в Кемерово собирали бригады землекопов, каменщиков, монтажников, искали цемент...

А тем временем... Тем временем ударили крепкие морозы. Зажгли костры подле траншеи. В репетиционный час актеры, нет-нет, улучат минутку — сбегают погреться. Во время спектаклей, превозмогая дрожь, они со сцены с завистью поглядывают на кутающихся в шубы зрителей. Бр-р-р! Холодно!

История с теплофикацией, как в капле воды, отражает отношение городских организаций к своему театру. Быть может, многие актеры и желали бы обогреться после репетиционного мороза в своей уютной, жарко натопленной квартире. Да нет у многих этой самой уютной квартиры. За последние годы театр праздновал новоселье всего пяти своих работников. Бюро Кемеровского обкома партии обязало хозяйственников выделить в новых домах десять квартир, но хозяйственники в прошлом году едва расщедрились на одну.

И мечтают ныне артисты о давно обещанных комнатах, о новом Доме актера, который (согласно летописи) тоже посулили им, наконец, мечтают просто о теплом отношении.

Мечты, мечты! Только они и согревают пока коллектив Кемеровского театра драмы.

Олег КЛИМОВ.

КЕМЕРОВО.